ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ

В. М. Князев
Екатеринбург

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ МИФОЛОГЕМЫ «ДУШЕВНЫЙ ДУХ»

Теоретическое представление о душевном духе, по мнению Д. И. Макарова – автора основательного труда «Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий)» – введено в философское сознание Клавдием Галеном (ок. 139 – ок. 200)[1]. В трудах самого известного исихаста св. Григория Паламы душевный дух понимается как питательное, энергетическое начало души. У Григория Паламы в семизвенной классификации целостного, динамически развивающегося существа человека душевный дух занимает шестое место – выше рассудочного мышления о мире и ниже Ума, созерцающего Бога.

Чтобы человеку не упасть в бездну бесчеловечного, а устремить свой путь в Царство Божье, дано ему через душевный дух много сил чисто человеческих и дана ему причастность к благодатным силам Божьего бытия. Поэтому, работая на уровне душевного духа, мы избегаем посредством причастности к Божественному переоценить значение человеческого, и тем самым верно его оценить и реалистично строить путь своей жизни, опираясь на существо человеческого в человеке. Мы избегаем крайности в духовном делании и приближаемся к мудрости срединного пути, к благодатной силе обожения узкого пути христианина. В душевном духе есть практичность реализма и вдохновляющая смелость мудрости. Поэтому актуализация метафизических смыслов мифологемы «душевный дух» представляется нам весьма актуальной.

Словосочетание «душевный дух» несет в форме своего проявления поэтическую вдохновенность задушевного мифологического сказания. И вместе с тем в простоте мифологического «сказа» есть тот существенный «намек», который недвусмысленно говорит о жизненно важном содержании для чело-

[1] Макаров Д. И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003. С. 214–217.

века. Говоря словами А. С. Пушкина: «сказка ложь, да в ней намек. Добрым молодцам урок». В словосочетании «душевный дух» чувствуется серьезность понятия и легкомысленная вдохновенность мифа. Из-за вольности мифологической формы «душевный дух» человека нельзя назвать понятием. А из-за серьезности и основательности «намека», который в нем присутствует, его нельзя отнести к лирической сентенции. Поэтому словосочетание «душевный дух» будет верно назвать «мифологемой». Это логос в форме мифа.

Человек создал язык мифологем в «осевое время истории», 6–5 в. до н. э., в то время, когда человечество поднялось в своем нравственном и умственном развитии до уровня самосознания – до способности отнестись к себе сознательно. В то переломное время всемирной истории в среде человечества появились мудрые люди. В разных странах света этих людей звали по-разному: в Древней Индии – Буддой; в Древнем Китае – Конфуцием, Лао-цзы; в Древней Греции – Сократом, Платоном, Аристотелем; в ветхозаветном Израиле – пророками.

Итак, в акте самосознания, в свете умозрения мудрецам открылась реальность духа. То, что открылось, было в своих свойствах необычно, сверхъестественно, говорило о присутствии магической силы. Естественно, что явление этого сверхъестественного магического «Икс» вообразить, представить, назвать именем привычных вещей было очень затруднительно человеку. Но и не выразить к этой неизвестной реальности своего понимающего, почтительно-восторженного отношения, своего активного с позиции способности суждения действия человек не мог. И он в привычных образах своего повседневного мира вообразил, отобразил картинами представления образ этой реальности, а силой своего суждения оценил и назвал существо этой реальности.

На каком языке, по мнению древних, говорит с нами духовная воля сущего человека? По мнению Платона, на языке «эйдосов», идей.

Древнегреческий философ – божественный Платон во времена оные открыл людям глаза на особый уровень реальности – на идеальное бытие «эйдосов». Эйдос – сущностный образ вещи. Это «чтойность», «таковость», идеальное, безусловное, простое, неподвижно покоящееся бытие родовой сущности. Очевидно, что наряду с индивидуальным бытием чувственно-конкретной особи существует умозрительное, спекулятивно-конкретное бытие рода. Есть, к примеру, бытие отдельной птички: воробья, синицы, вороны,.. и есть родовое понятие птицы – ее «птичность». Есть чувственно конкретное, психологически и биологически неповторимое в своей случайности бытие Ивана, Марфы, Дениса и есть их закономерный, неслучайный генетический исток и закономерное завершение их жизни в биологическом

бессмертии их потомков. Словом, есть «человечность» человека, то атрибутивное, субстанциональное свойство жизни человека, которое определяет силой смыслового долженствования ход жизни человека со дня его рождения до самой смерти. Существо, рожденное в символическом свете разума культуры, должно глазами разума видеть и различать должное от недолжного и жить этически правильно по закону должного. В естественной природе нет должного. Должное существует в пространстве социальных отношений, определяя их характер и закон развития. Благодаря просветительной силе разума, ум человека видит закон должного. Поэтому то, что умно, разумно, то и естественно для человека, живущего социальным образом. А разум науки познает необходимое в природе.

В этом диктате разума «должного», говорящего императивным языком мифологем, с их метафизическим, претендующим на безусловное значение слова, находится исток тоталитаризма. То метафизическое начало тоталитаризма, за который так сильно ругают Платона все либералы, начиная с К. Поппера и кончая Дж. Соросом и его многочисленными последователями. Безусловно, императивность метафизической духовности Платона тоталитарна. Естественно, что любая сильная в своих духовных смыслах, устремлениях, волениях культура тоталитарна, бескомпромиссна, ибо она призвана упорядочить хаос зоологического индивидуализма, возделать витальность человека для социально-культурного роста. Бездушный механизм культуры всегда был таким, пока в душу культуры, в ее философское мировоззрение не вошел милосердный, человеколюбивый дух Христа – Бога Спасителя. С приходом в мир Христа бесчеловечный, жесткий тоталитаризм разума культуры сменился «сладким игом Христа», формально-отчужденное действие Закона – индивидуально-личностной жизнью человека в свободе и радости благодати. Одушевление духа культуры любовью Христа к человеку меняет радикальным образом и природу человека. Человек становится в духе своем душевным человеком.

Современные «архитекторы» глобального мира понимают, что грубая форма правления народом не эффективна и затратна. К каждому человеку не подставишь полицейского, а вот если каждый из людей добровольно примет в качестве истины своего разума трактовку толерантности в духе и букве управителей мира, то каждый сам собой будет управлять по закону князя мира сего. Если изменить уклон души каждого на принятие как истины ценностей потребительского общества, то каждый станет потребителем и будет добиваться всеми средствами своего духа благополучия хозяев потребительского общества. Поэтому цивилизация постхристианства, отрицая ценности христианской культуры, ортодоксию Правосла-

вия, возводит в ранг духовного закона общества эзотерику рыночного фундаментализма, утверждая методами суггестии в сознании каждого ментальность псевдохристианства – толерантность.

Однако, вернемся к мифологеме – «душевный дух» человека. Словосочетание «душевный дух» состоит из двух мифологем: из мифологемы «душа» и «дух».

За мифологическим логосом «душа» стоит реальность витальности – жизненности человеческой жизни. Сущая энергийная способность человеческой жизни жить в образе бессмертия, жить в любых условиях вопреки всему и есть душа человека. Умом человек умозрит образ бессмертия в душе, а мифологически тонким чувством чувствует, что душа есть бытие любви.

За мифологическим логосом «дух» стоит реальность свободной воли человека к трансцендентному бытию. Дух – это жизненная воля человека, устремленная к обретению блага подлинного бытия через истину в красоте. В существе духа сокрыта огромная сила свободы, проявившей себя в бесстрашии ума, в бесстрастии сердца (эмоционального разума человека), в бескорыстии культурной воли (социального разума) человека. При совершенной личностной актуализации этого потенциала свободы человек обретает способность суждения. Человек – единственное известное нам существо, которое способно судить себя и других. Дух есть искусство бытия свободы. Практика этого искусства обретается в памяти чувств, в опыте переживаний души. А теория этого искусства уясняется только в свете умозрения, возникающего на дольных переходах человеческого существа с мира дольнего в мир горний.

Органический синтез двух реальностей – души и духа – рождает бытие душевного духа человека, призванного жить не в воображении и в фантазии человеческого ума, а в реальной телесно-природной, социально-исторической жизни действительного человека. В душевном духе огненный логос человеческой воли входит в подвижные, все обтекающие воды чувствования, переживания, любовного томления тела человека и образует жизненный порыв любящей себя и всякое совершенство жизни – образует целостное и активное бытие человека.

В результате этого синтеза образуется дух, атрибутивным свойством которого является душевность. Известно, что атрибутивное свойство некоего субъекта определяет сущностный способ жизнедеятельности его. Так основной функционал некоего работника определяет его профессиональный статус, превращает его в профессионала. Иными словами, функция создает орган. Но верно и другое утверждение: реальное, практическое действие какого-либо субъекта без его способности функционировать не

существует практически. Поэтому все разговоры о возрождении духовности человека, о воспитании этой духовности без душевного здоровья утопичны и представляют собой род социального прожектерства бездельников от культуры. Понятно, отчего духовность человека, о которой так много говорят, всего лишь мираж, который видится сердечно мертвому человеку в проекции его умственных представлений.

Мы знаем из Евангелия, что Божий Логос – Сын предвечный, Огонь небес, придя на Землю, был омыт Иоанном Крестителем в акте крещения Господнего водами земными. Омыт, чтобы дух Господа стал живою водою душевной жизни человечества. Даже для Бога, Который может быть в единосущии Своем и Духом Святым и непроявленным в мире бытием Бога Отца, желательно воплотиться в подвижную душевную стихию человеческого естества. Евангелие говорит об этом недвусмысленно: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнять всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его. И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил как голубь и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголящий: Сей есть Сын мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 2,14–17.) Мы видим из этого евангельского повествования, что крещение Господне являет людям полноту Божьего бытия в единосущии Пресвятой Троицы. Через воды душевной жизни свершается всякая правда на земле, ибо Бог сотворил душу человека для Своего соизволения на Земле. Всякое царство, построенное на отрицании души с ее сущей силой любви есть царство, построенное над бездной – над тем небытием смерти, у которого нет дна, нет точки опоры, нет надежды. Почему же человек чурается естества жизни, что бытийствует в силе душевной любви и предпочитает красивый мираж с броским именем «духовность»?

Ответ известен из дальнейшего повествования Евангелия. Жизнь человеческая в крестных водах души не есть игра, праздное, безответное времяпрепровождение духовно зрелого человека, а есть крестный путь, на котором распинают Бога-Спасителя, пришедшего в мир спасти через Свою смерть душу человека от увечий первородного греха и показать в чуде воскресения, что реально возможно каждому человеку духовно преобразить воды человеческой души в чистом свете небесного огня. Свет преображения Господнего дает нам свет надежды, что Бог победит, и воскресение будет днем нашей жизни, погибающей в ночи смерти.

Люди, подгоняемые вожделением страсти, желанием с ходу приватизировать силу этого знания очень суетливо мыслят, не уточняя для себя

различительный смысл слова евангельского откровения. Сказано Господом, что Его сила в слабости. Сказано тем самым о высшей силе – силе Господа и о средстве достижения этой силы человеком. Средство не есть цель, а есть способ, путь достижения цели. Чем надежней средство, тем больше вероятность, что любовь обретет силу результативности веры. Поэтому, говоря о цели – достижении человеком могущества духа, следует подумать и о средстве – о смирении, бесстрастии и безмолвии души.

Но, утвердившись в знании надежного средства, нельзя забывать, что это только средство, искомая сила духа не в нем, а в силе Божьего духа. Поэтому не верно, когда, войдя во вкус смирения, покаяния, начинают заниматься самобичеванием, изничтожением себя, превращаясь на глазах в «святых рабов». Человек не раб, а самое любимое творение Бога, и Бог ради человека умирает и воскресает, чтобы человек преодолел в себе самый глубинный страх смерти, который ничтожит его, и чтобы человек обрел силу радости воскресения, силу веры в любящего и безмерно доверяющего человеку Бога. Сам Бог – Христос шел путем смирения и жертвенности, но Он, идя по этому пути, не уронил Свой ранг Бога, Он не имитировал страдания человеческой плоти, существом и существованием которой жил, не разыгрывал комедию смерти, воскресения, а реально умер и реально после третьего дня погребения воскрес. Бог до конца прочувствовал трудный удел человека, указав людям реальный путь к свободе. Бог оставался Богом вс плоти и слабости человека и тогда, когда сам дьявол приступил к нему и искушал Его. Бог, пребывая в слабости человеческой, ни разу не уклонился от Божьего закона «исполнения всякой правды» на земле. Следовательно, мы можем умозаключить, что в смирении души надо придерживаться твердо заповеди Господней: «Будьте совершены, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48). Душевный дух Христа творчески сочетает смирение души с непреклонной волей духа.

Обретение умения сочетать смирение души с непреклонной волей духа, как это искусно осуществлял в Своей земной жизни Христос, – вот истинный путь обретения человеком состояния душевного духа, а вместе с ним и возможности сотворчества с Богом на ниве богочеловеческой истории. Искусство проявлять энтелехию целостного бытия душевного духа, силу способности суждения, с которой нельзя не считаться никому из смертных людей – вот духовное начало, из которого должна проистекать и социальность, и историчность человека.

Мы отмечали тоталитаризм как черту духовности в понимании Платона. Сейчас мы скажем о деспотизме и агрессивной воинственности духовности, в понимании не философа, а мага, не философа-государя, а мага-

государя. Скажем для того, чтобы оттенить гуманистический смысл христианской цивилизации, и сказать, что уничтожение христианской цивилизации ведет к варварству и дикости цивилизации магов.

В культуре цивилизации христианства тоже существует тоталитаризм и деспотизм, но только в форме «сладкого ига Христа». Действует закон «должного», но не в форме «неудобоносимой ноши закона», а в форме добровольно принятой и свободно носимой благодати Духа Святого. В ней также существует покрывало дисциплины и контроля над силами жизни, но в христианской цивилизации это покров Богоматери – заступницы людей перед Господом, а не безжалостное антисоциальное государство цивилизации торгашей, воров и преступников. Цивилизация магического эзотеризма только с виду гуманна. Поэтому к ней должно с точки зрения духовной безопасности внимательно присмотреться.

Согласно магическим воззрениям на духовную природу мира, Мир синергийного взаимодействия человеческого духа и воли Божьего воления в пространстве богочеловеческой истории есть мир всеединства, духовной проницаемости. Этот мир устроен по закону голографического принципа, суть которого в словах: «Все в одном, одно во всем, одно в одном и все во всем». Мировоззренческая теория, в которой адекватно отображается такое устройство мира, основана на методологическом принципе «тождества бытия и мышления». Опираясь на утверждение этого принципа, философия создает теоретическое представление о мире, где констатируется духовно-пространственная симметрия человеческого и божественного («То, что внизу, то вверху и то, что внутри, то снаружи»). Данная теория констатирует единое духовное поле жизни для Бога и человека. Душевно-духовная жизнь человека в форме душевного духа производна от динамической, синергийной жизни этого единого поля духовной жизни человека и Бога. Душевный дух человека есть функция этого духовного поля, объединяющего переживания человеческой души с молчаливым действием Божьего духа. Духовное поведение человека в этом поле Божьего духа отражает драматизм, антиномичность душевной мольбы, просьбы человеческой души к Богу и не человеческий, а Божий ответ Бога в форме не разгаданного человеком молчания Его. Душевный дух человека есть нескончаемый опыт перехода от вдохновения веры к разочарованию разума души человека при постоянной молчаливой поддержке духовных устремлений человека Богом.

Теория единого духовного поля связывает представление о человеке в форме душевной жизни с представлением о нем как существе духовном. Человек в его богоисторической данности есть одновременно: душа живая, которая очень человечна в своих человеческих слабостях. И он же есть мо-

гучая воля духовной свободы, которая ничем и никем не ограничена, ибо в бытии своего совершенства слишком божественна. Словом, человек в этом измерении есть не что иное, как душевный дух. Он есть микрокосм, тождественный в своей духовной сути Вселенной Бога, следовательно, он обладает в потенции и силой Бога. Он может быть магом, с его способностью духовно и практически властвовать над миром. Ибо дух мага, сравнявшись в потенции с силой Божьего духа, находится *во всем и может воздействовать на все.*

В принципе, каждый человек в апогее его духовного совершенства обладает полнотой духовного всеединства и может, опираясь на силу всеединого духа, все изменять в свою пользу. Но почему человек не делает этого? Из-за страха Божьего, из-за комплекса неполноценности, оттого, что не знает, что он в духе своем есть всесильное существо. Видимо, все это имеет место быть в самооценке обычного человека. Когда человек боится Бога, он приходит к осознанию своего истинного ранга – и это хорошо. Когда человек пребывает в переживании своей неполноценности – это плохо для самоактуализации его воли и хорошо для мага, который живет как энергетический вампир, силой бессилия других. Тайна магической силы не в том, что маг стал сильным, как Бог, а в том, что толпа оглашенных магической проповедью превратилась в безвольную массу людей, в социальное ничто. Сила мага – от бессилия его окружения. Когда человек не знает своего духовного ранга, то он не может с конкретной практичностью действовать и достигать результата и победы в этой жизни. Духовная сила человека измеряется мерой его причастия благодати Духа Святого. Обожение достигается умным деланием, аскезой, подвигом покаяния, трудом синергийного сотворчества с Богом на путях богочеловеческой истории. Чтобы беспрепятственно, в полную силу свершать святое дело обожения, человеку необходимо изжить из себя раба, с его комплексом неполноценности, и соблюдать технику духовной безопасности по отношению к темным и злым силам вампирического, паразитического мира.

Но известно, что лучшая защита от мира зла – это своевременное, сильное и умелое нападение на зло с целью его уничтожения. Мы знаем, что духовное зло коренится не где-то в космосе, не в конкретной квартире, а в сосредоточии нашего существа – в уклоне нашей души к ценностям магического образа жизни или в уклоне души к ценностям Христова пути жизни. Сила человеческого духа – в способности суждения, в силе мысли, которая верно оценивает, дает имя и определяет способ действия для поименованного. Раз причина бед – в самом человеке, в беспризорности его собственной души, брошенной в мире вампиров на произвол и на закаба-

ление властью магов, то надо внимательно посмотреть на то, что происходит вокруг нашей души. Из духовного дома нашей субъективности надо выгнать чуждые силы влияния, в доме души должен быть ее родной дух, дух ее родной культуры, звучать голос ее родного, понятного ей языка. Необходимо каждому решительно вести духовную брань за душу человеческую. Душа – это земля и небо Божьего духа в нас, и потому эту святыню надо беречь как самое ценное в жизни человека. Закончим статью словами И. А. Ильина. В духовной жизни человека, писал И. А. Ильин: «есть закон, в силу которого грядущая даль открывается только тому, кто смотрит из глубины. Потому нам необходимо подлинное углубление духа; мы должны, прежде всего, сосредоточиться и уйти в живую глубину нашего собственного существа, в «субстанцию» нашей человечности или, сказал бы Аристотель, в «энтелехию» нашего духа, в ту священную сферу, благодатность и божественность которой возвестил нам Сын Божий, Иисус Христос. Повсюду, во всем мире должен начаться постепенно духовный пересмотр наших душевных актов и наших предметных содержаний... Люди будут сосредотачиваться на последних, священных истоках своей жизни, они будут созерцать жизнь своего сердца и судить о нем, – каковым оно должно быть, и каким оно оказалось в действительности, и чего ему недостает... Чем серьезнее, чем ответственней, чем глубже, чем искреннее будет этот пересмотр, тем лучше. Ибо бедствия нашего времени велики, и опасность можно будет преодолеть только тогда, если будет захвачена последняя глубина человеческой души, если человечество опять продолжит в себе путь к Богу. Здесь дело совсем не только в «моральном перевооружении», в этих скудных и вымученных словах, обозначающих новую и дешевую моду и обеспечивающих в лучшем случае укрепленную закулисную дисциплину. Человечество нуждается в обновлении духа и облагораживании инстинкта, в возвращении к евангельской вере, а не в «чистых перчатках», обещаемых антихристом»[1].

А. Н. Марусан
с. Эликмонар. Республика Алтай

ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

Теология несет в себе сложные теоретические и практические вопросы, на которые человек пытается найти ответ и решение, но пока получается только задавать себе и всем вопросы и догадываться об ответе. Этот по-

[1] Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 402.